

ПАРИЖ

Январь 1714 года

Большой зал вспыхивает сверканием бронзовых завитков обстановки, ярко блестят свечи.

Аббат Мелани заставляет себя ждать. Впервые за более чем тридцать лет.

Я всегда находил его в том месте, в котором мы уславливались, где он обычно подолгу ждал меня, нервно покачивая ногой, преисполненный нетерпения. Теперь же это я то и дело бросаю взгляд на монументальный рельефный портал, порог которого я переступил вот уже более тридцати минут назад. Не обращая внимания на ледяной ветер, влетающий через открытую створку ворот, я тщетно пытаюсь уловить приметы предстоящего появления аббата: цокот подков квадриги, возникающей в свете факелов, украшенные перьями головы лошадей, которых кучер в парадной черной одежде подведет прямо к большому крыльцу. Там уже ждут четверо старых лакеев, укутанных в зимние, покрытые снегом пальто, принадлежавшие еще их прежним господам, чтобы открыть дверцу кареты и помочь выйти из нее.

Чтобы как-то скрасить ожидание, я обвел взглядом помещение. Вокруг — множество ценнейших украшений. Вышитые различными золотыми надписями драпировки свисают с аркад, парчовые занавеси скрывают стены, а галерею славы образуют вуали с серебряными каплями. Колонны, арки и пилястры из искусственного мрамора ведут к балдахину в центре зала, представляющему собой нечто вроде пирамиды без верхушки, покоящейся на возвышающемся над полом на шесть или даже семь ступеней пьедестале, который окружен тройным рядом канделябров.

У внешнего края несут стражу два крылатых существа из серебра, каждое из них опустилось на одно колено и широко раскинуло руки, обращенные к небу.

Усики мирты и плюща украшают балдахин с четырех сторон, и каждую венчает созданный из свежих цветов, которые, вероятно, родом прямо из теплиц Версаля, герб венецианской аристократии

со свинкой на зеленом фоне. По углам пылают большие факелы в высоких серебряных треножниках, тоже украшенных таким же гербом.

Несмотря на роскошь *castrum*'а¹ и помпезное убранство, в комнате находится очень мало людей: не считая музыкантов (уже занявших места и разложивших свои инструменты) и в черных, красных и позолоченных ливреях пажей (аккуратно подстриженных, стоящих навтыжку, словно статуи, и держащих в руках факелы), я вижу только разорившуюся, завистливо глядящую кругом аристократку, испытывающую денежные затруднения, и горстку рабочих, слуг и служанок из народа, которые, невзирая на поздний час и лютый мороз, восторженно оглядываются по сторонам в ожидании свиты.

Ко мне приходят воспоминания. Они покидают свинцово-серую парижскую зиму по безлюдной площади Побед, где сердитый северный ветер обдувает конную статую старого короля, и возвращаются назад, далеко-далеко, скользят по мягким холмам Вечного города, поднимаются к высочайшей точке Яникула², в тот самый день, когда я, ослепленный жарой уходящего римского лета, в окружении родственников некоего аристократа и прелестных построек из папье-маше, когда некий оркестр репетировал музыкальный фон для некоего события, а пажи учились носить факелы, которые станут освещать другую историю, украдкой наблюдал за прибытием кареты, подъезжающей к вилле Спада.

Удивительная прихоть судьбы: тогда я даже не подозревал, что та карета вернет мне аббата Мелани, после того как я не слышал о нем ничего на протяжении восемнадцати лет; сегодня же я совершенно уверен, что Атто прибудет сюда в кратчайшие сроки. Но карета, которая должна привезти его ко мне, еще даже не показалась на горизонте.

Грохот и шум, произведенный оркестровым музыкантом, на миг нарушил ход моих мыслей. Я поднимаю взгляд:

---

¹ Каструм долорис, иными словами, катафалк.

² Холм в Риме на западном берегу Тибра.

*Obsequio erga Regem*¹

— вышито золотыми буквами на черном бархатном знамени с серебряными нитями, украшающем высокую простую колонну из эфемерного порфира. Есть еще одна, точь-в-точь такая же колонна стоит с другой стороны, но надпись на ней находится слишком далеко, чтобы я мог ее прочесть.

За всю свою жизнь мне только однажды доводилось принимать участие в мероприятии подобного рода. Тогда тоже была ночь, холодно, и шел снег, или нет, кажется, шел дождь. В любом случае, в душе моей царили гнетущий холод, дождь и мрак.

Тогда в гробу лежало другое тело. Ложь, предательство и дерзость сколотили ему гроб. Его отравили, оставили истекать кровью, растерзали. Кровь капала из его глаз, а мозг вытекал из носа. Ничего не осталось от него, кроме жалкой груды разлагающейся плоти.

Равнодушно хохотали во тьме убийцы.

Тогда я тоже сопровождал Атто. Мы находились в самом центре кишашего муравейника: со всех сторон мимо нас текли потоки людей. Каждый закоулок комнаты был настолько переполнен, что мы с аббатом Мелани за четверть часа смогли сделать только два шага; нельзя было двинуться ни вперед, ни назад, видны были лишь украшения на потолке и надписи на аркадах и капителях колонн.

Ob Hispaniam assertam   *Ob Galliam triumphatam*
Ob Italiam liberatam   *Ob Belgium restitutum*²

Четыре колонны было там с лозунгами; дорические колонны, символы героев. И они были очень высокими, футов пятьдесят

¹ Преданность королю (лат.).

² За присоединение Испании/ За победу над Галлией/ За освобождение Италии/ За отвоение Бельгии (лат.).

в высоту, повторявшие великие исторические примеры Рима, колонны Антония и колонны Траяна. Между ними над *castigim*'ом висело искусственное ночное небо, усеянное позолоченными языками пламени вуалей, которые поднимались вверх на золотых веревках и там натягивались, образуя в центре корону. Держали веревки четыре огромные пряжки в образе величественных аристократов, опустивших головы на грудь.

Рядом с ними находилась аллегория славы с головой, украшенной венком из лучей (она была копией с монет императора Константина), в левой руке она держала венок из лавровых листьев, а в правой — корону из звезд.

Позади нас, прямо перед широким порогом двадцать четыре камердинера ожидали своих господ. Внезапно бормотание в толпе стихло. Все умолкло, и яркий свет осветил ночной час: то был свет белых факелов, которые несли пажи.

Он прибыл.

Цокот копыт, прозвучавший по мостовой на улице, прервал поток воспоминаний. Четверо лакеев, в покрытых снегом и светящихся в ночи пальто, сдвинулись с места. Атто прибыл.

Пламя свечей трепетало и исчезало перед моим взглядом, настолько широко распахнулись створки дверей церкви, где я ждал его: Нотр-Дам де Виктуар, базилика босоногих августинцев. На фоне черной кареты в свете факелов блеснул красный бархат носилок: Атто Мелани, аббат Бобек, жантильом короля, урожденный горожанин Серениссимы, многократный конклавист, должен был вот-вот торжественно прибыть.

Старые слуги несли гроб на своих спинах, на которых был изображен герб Атто — свинка на зеленом фоне. Под почетной галереей из черных вуалей с серебряными каплями они прокладывали себе дорогу среди присутствующих, заставляя расступиться тех немногих, для кого некогда известное имя Атто Мелани, последнего свидетеля унесенного войной времени, еще, быть может, о чем-то говорит. Четверо лакеев прошли до середины *castrum doloris*, где возвышался катафалк, поднялись по

ступеням усеченной пирамиды и передали тело своего бывшего господина в распростертые объятия двух серебряных ангелов, поднятые к небу руки которых наконец-то приняли то, чего так долго ждали.

С катафалка свисал траурный платок из черного бархата с серебряными нитями, на котором золотыми буквами было вышито:

Hic iacet
Abbas Atto Melani Pistoriensis in Etruria,
Pietate erga Deum
Obsequio erga Regem
Illustris
 Ω. Die 4. Ianuarii 1714. Ætatis suæ octuagesimo octavo
Patruo Dilectissimo
Dominicus Melani nepos mestissimus posuit¹

Те же самые слова будут выгравированы в камне, который племянник Атто уже заказал у флорентийского скульптора Растрелли. Монахи-августинцы согласились, чтобы его выставили в расположенной неподалеку от алтаря боковой капелле, прямо напротив двери в ризницу. Значит, здесь и будет похоронен Атто, согласно своему желанию, в церкви, где покоятся также бренные останки некого тосканского музыканта: великого Джамбаттиста Лулли.

«*Pietate erga Deum / Obsequio erga Regem / Illustris*»: надпись повторяется на обеих боковых колоннах, на которых я недавно читал только самые близкие ко мне надписи. «Удостоенный славы благодаря благочестию пред Господом и преданности королю». На самом же деле первая добродетель противостоит второй, и никто не знает этого лучше меня.

Оркестр начинает играть панихиду. Слышен голос кастрата:

Crucifixus et sepultus est.

¹ Здесь покоится/ аббат Мелани из Пистории в Этрурии/ благочестивый перед Богом/ преданный королю/ удостоенный славы/ умер 4 января 1714 года в возрасте восьмидесяти восьми лет/ дражайшему дяде/ поставил памятник скорбящий племянник Доменико Мелани (*лат.*).

«Распят и похоронен», — поет он нежным голосом. Я уже ничего больше не воспринимаю, все вокруг кажется размытым, слезы растворяют лица, краски и свет, словно на картине, на которую попала вода.

Атто Мелани мертв. Он умер здесь, в Париже, на рю Пластьер, относящейся к приходу святого Евстахия, позавчера, 4 января 1714 года, в два часа ночи. Я был рядом с ним.

— Останься со мной, — сказал он и почил.

Да, я останусь с вами, синьор Атто: мы заключили союз, я дал вам обещание и буду верен вам.

Уже неважно, сколько раз вы не выполняли свои обещания, сколько раз вы обманывали двадцатилетнего коридорного, а позднее отца семейства. На этот раз я не удивлюсь: свой долг по отношению ко мне вы уже выполнили.

Сейчас, когда мне почти столько же лет, сколько было вам в то время, когда мы познакомились, когда ваши воспоминания стали моими, а ваши старые страсти вспыхнули в моем сердце, ваша жизнь стала *моей*.

Благодаря одному путешествию я снова обрел вас три года назад, и теперь другое путешествие, путешествие смерти, ведет вас к другим берегам.

Счастливого пути, синьор Атто. Вы получите то, о чем просили меня.